

ОЛЕГ КОТ

Одиннадцатое августа

Олег Кот

Одиннадцатое августа

«Издательские решения»

Кот О.

Одиннадцатое августа / О. Кот — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967307-7

«Это была лаборатория метров сорока пяти с замкнутой подачей воздуха. Он подавался полностью стерильным по трубкам, которые шли под потолком. Осмотревшись, увидел ультрасовременный операционный стол. На нём лежала совсем молодая женщина после кесарева сечения. Из её чрева был извлечён ребёнок. От этой женщины исходило состояние нечистоты. Если пещера рождения Христа была завалена окаменевшим навозом, то этот стерильный оазис был полной ее противоположностью».Одиннадцатое августа.

ISBN 978-5-44-967307-7

© Кот О.

© Издательские решения

Содержание

Матушкины бриллианты	6
Ложный сустав	6
Небесные гости	9
Пятидесятый псалом	12
Раб Божий Иоанн	13
Как Иван Гусак попал в путы Свидетелей Иеговы	14
Как Божья Мать спасла хориста от зелёного змия	16
Сила благословения схиархимандрита Зосимы (Сокур)	18
Позволь мне дать тебе три совета	21
Маслины	23
Юродивые	26
Чудо святителя Игнатия Мариупольского (Гозадини)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Одиннадцатое августа

Олег Кот

© Олег Кот, 2019

ISBN 978-5-4496-7307-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Матушкины бриллианты

Ложный сустав

Шёл Великий пост. На вечерних воскресных службах читалась Пассия о страданиях Христа. В тот день читали отрывок из евангелия с упоминанием благоразумного разбойника.

– Людмила! – показываю взглядом на хромого мужчину, медленно идущего по направлению к нам. – Ложный сустав! Такие формируются при перебивании голени.

Людмила Степановна удивлённо смотрит то на меня, то на бедно одетого мужчину под сорок с белым, как мука, лицом. Употребив немалые усилия, он, наконец, дохромал до нашего угла, перегнулся через перила и приложился к иконе.

Этого мне хватило, чтобы продолжить.

– Когда распятого раба нужно было снять с креста, а он всё ещё был жив, перебивали скрещённые голени. Одна нога оставалась на гвозде, а другая теряла точку опоры. Начиналась судорога, удушье и несчастный вскоре умирал.

Главный осведомитель благочинного мрачно взглянула на меня: «И как это всё донести в пятницу? Прости Господи! С каким уродом связалась».

Забыв о своих «медицинских» комментариях, встал со «стульчика Марии» и идя вслед за человеком, которого на самом деле когда-то сняли с креста подобным образом, услышал сухую ахинею.

– Проклятая мариупольская психушка. Истязатели, палачи с дипломами. Отлежал месяц, выпустили без копейки, а ехать до Белой Церкви. Нужно всего двенадцать рублей пятьдесят копеек на общий вагон. Подайте! Прошу вас! Мне некуда идти.

Благоразумный разбойник, фреска собора Снетогорского монастыря. 1313 год. На этой фреске хоть какое-то сходство есть с тем человеком, что пришел на Пассию в Никольский собор Мариуполя: мука на лице и измождение.

С этими словами тощий хромец повернулся ко мне и протянул руку. Поразило меня не то, что «псих» просил в храме (запрещено категорически), а то, что перед выходом из дома я вдруг услышал голос с иконы.

– Возьми с собой ещё гривну двадцать пять. Отдай.

Сумма, которую я взял с собой, была десятиной от стоимости просимого на билет.

Получив деньги, этот человек внимательно посмотрел на них, словно слово «десятина» были написаны на них невидимыми чернилами. Удостоверившись, что это так, вышел из собора. Он доковылял до прихожанки, повторил ей те же слова и получил ещё гривну или две. Не глядя положил в карман и пошёл дальше. Тут открываются церковные ворота и на своей разбитой машине въезжает батюшка Михаил.

Завидев тачку молдавского попа (тот сбежал из Красного – Приднестровье), хромой направился к ней. Пока он ковылял, отец Михаил вышел из машины, прихватив с собой барсетку.

– Священник! Подайте на дорогу, нужно всего двенадцать пятьдесят на общий вагон – доехать до Белой Церкви.

– Вы знаете, – тут отец Михаил открыл барсетку и внимательно стал рыться в бумажнике. – У меня сегодня нет таких денег. Если можете, придите завтра в это время.

«Вот и очная ставка для страшного суда! – подумалось мне. – Сколько он денег заколачивает на чужой территории, втихую отбирая требы у своих коллег плюс приходской поток»!

Благоразумный разбойник на дьяконской двери иконостаса. Иконописец Московского кремля никогда не видел реального разбойника. Поэтому он писал то, что считал нужным.

Нищий с белым лицом и невыразительными чертами лица остался безмолвен. Он только внимательно посмотрел на батюшку. Как легко ослепнуть от шальных денег! Десятки у того точно была в кошельке. Но он предпочёл пройти мимо, как священник и левит из притчи Господа о самарянине. Те прошли мимо искалеченного странника.

Так наш храм посетил тот, кто висел рядом с Господом и в отчаянии от рек пролитой крови, завопил:

– Помяни меня Господи, когда придёшь во царствие Твоё!

Небесные гости

Подходит ко мне однажды голодный мальчик и просит есть. Всё дело происходило в соборе святого Николая, где с ноября 2001 года стоял на подсвечнике блаженной Ксении Петербургской. Стоишь не пропуская служб. Огарки выносишь, подсвечники драишь, лампадки гасишь после отпуста и всё это по благословению схиархимандрита Зосимы, Никольского монаха, духовника двух епархий.

– Дядь Олег! Дядь Олег!

– Ну, чего ты орёшь?

– Дядя Олег! Я есть хочу!

– Есть хочешь? Иди к батюшке Николаю. Видишь, стою на подсвечнике. Поэтому благословили завтракать на кухне каждый день, а я туда не ходил ни разу. Скажи ему, чтобы тебя покормили вместо Олега. Понял? Дуй на кухню.

Обычно такое поведение у священства называется «быть добреньким за чужой счёт» и вызывает дружный приступ желчи.

Мальчик, у которого ещё две сестрёнки, уходит. Пока его нет, шарю в своих карманах. Пусто. Служба кончилась, свечка поставлена, молебен заказан, денег нет. Прошло не более двух минут. Подходит женщина, суёт мне три вареных яйца. Улыбается, просит взять, хотя знает, что я ничего не беру у старушек в храме. Скрипя сердцем, беру почему-то одно яйцо. Прошло ещё минут семь. Возвращается мальчик. Смотрю на него с интересом.

– Ну, нашёл ты батюшку Николая?

– Ага. Да только там толстая тётка с ним была. Жирная такая. Я кушать прошу, а батюшка отвернулся к стене и молчит, как глухой. А она на меня как вывернется и говорит: Да ты что, нам самим тут нечего есть. Иди отсюда. Мы тут все голодные ходим.

– Так и сказала? – не веря собственным ушам, переспросил его.

– Так и сказала. А сама стоит и смеётся, – подтвердил мальчик.

Гляжу, а на глазах у него слёзы.

– На вот тебе яйцо.

Кладу ему яйцо в руку. Мальчик просиял и его как ветром сдуло. Прошло минуты три. Прибегают две его маленькие сестрёнки и кричат:

– Дядя Олег! Мы есть хотим!

Развожу руками, ища глазами ту старуху, а её и след простыл. Сам с досады на свой идиотизм чуть не плачу. Ну почему я не взял, скот безмозглый, три яйца вместо одного?

Свято-Николаевский кафедральный собор (Мариуполь) на Новоселовке. С этим удивительным собором связаны большинство рассказов этой книги. Attribution-ShareAlike 3.0

С этой кухней, находящейся рядом с панихидной, были связаны ещё несколько похожих и страшных по своей чёрствости моментов.

Где-то в мае девяносто шестого у нас в храме появился батюшка, отец Владимир. Сидел однажды после причастия у панихидной, поджидая его после треб. А тут как раз поминки по работавшей в храме женщине. Собрались все свои да наши. Вошла Вера Николаевна, бывшая когда-то церковной старостой и подруга той «жирной» старухи. Увидев меня, говорит, улыбаясь:

– А чего это ты не за столом? Ты же наш, свой. Иди помяни со всеми. Там и место есть.

– Да нет, Вера Николаевна. Я не ваш.

А сам думаю про себя: «И уж точно не свой!»

Улыбаюсь ей в ответ, но за стол не иду, понимая, что у половины рот перекосит и борщ прокиснет только от одного моего появления. Тут в дверь входит три человека – женщина и двое мужчин. Они встали напротив двери, ведущей в кухню и вид у них был просящих покушать людей. От троицы исходила такая тишина и покой, что невольно мой взгляд остановился на бедно, но очень чисто одетых, людях.

Изнутри эти трое были неземные. Как глянул на них, так и забыл, для чего и пришёл. Царство небесное, хоть помоями тухлыми облей, всё равно благоухать будет! А с кухни, словно что-то учуяв, выплывает Катерина Григорьевна.

– Нет ли у вас трёх кусочков хлебца? – обратилась к ней женщина, от которой исходила удивительная тишина.

– Да откуда у нас хлеб? Нам и самим-то есть нечего, – выкатив глаза, отвечает ей батюшкин бухгалтер.

Только успела она это сказать, распахивается настежь кухонная дверь и красный от натуги Андрей, брат диакона-азербайджанца, тащит огромную кастрюлю, набитую с верхом румяными и аппетитными пирожками.

– Андрей, гони их в шею! Чего они здесь ходят? Нам и самим есть нечего. Гони их! – со стоном напустилась на него Екатерина Григорьевна.

Не успел я опомниться, как проворный азербайджанец ставит в углу панихидной кастрюлю пирожков, и набрасывается на троих нищих, попросивших кусочек хлеба.

– Вываливайтесь поживее. Ну, кому я сказал... – не дожидаясь, стал хватать их за руки и тащить к выходу. Последней ушла эта удивительная женщина, на ходу ещё раз прося Андрея.

– Подайте хоть кусочек хлеба!

– Ты что, плохо слышишь? Нет у нас хлеба, мы сами все голодные.

И с этими словами вытолкнул женщину-тишину на церковный двор.

Ни живой ни мёртвый сижу в углу как молью побитый. Ну и поминки. Нищих выгнали в шею, а сытых накормили!

– Олег, бери пирожок, – вновь появляется Вера Николаевна. – Бери, хоть пирожком помянешь.

– Спаси вас Господи, – вставая и направляясь к выходу, говорю ей. – В следующий раз. Батюшки всё равно нет.

Не дождавшись священника, шёл я по мокрой Новосёловке домой. Вся жизнь человека состоит из очных ставок. Одну из них я сейчас увидел собственными глазами. Тот Свет против этого со счётом один ноль. Он всегда посещает человека, когда его меньше всего ждут.

Не дай Боже так ослепнуть, чтобы Самого Христа в шею гнать! Это Страшный Суд. Всё покажут ангелы-хранители и трёх голодных свидетелей приведут. И никого из батюшек не спросят, сколько они храмов и колоколен отгрохали на чужие чемоданы денег, украденные у полуголодных рабочих.

А третий случай произошёл после слов батюшки Николая, сказанные им на воскресной проповеди.

– Мы кормим всех, – сказал громко, на весь храм, батюшка.

Прошло два дня. Во вторник после молебна ко мне подходят два долговязых юноши и спрашивают:

– Мы с дороги, не ели сутки. Нас здесь не могут покормить?

– А как же! Могут. В воскресенье батюшка Николай сказал на проповеди, что они кормят всех. Идите и попросите их. Знаете, где столовая?

Видя, что они никогда не были на нашем приходе, взял их под руки и вывел из храма, показав куда идти. Прошло минут десять. Ребята приходят обратно.

– Покормили?

Мотают мрачно головами. Нет. Иду вместе с ними прямо в столовую. В столовой повара говорит:

– Нет-нет. Нам строго-настрого запретили кормить чужих.

Тут появляется батюшка Николай. Наши взгляды встретились. Он опускает глаза и быстро говорит:

– Мы их покормим. Покормим.

Молча выхожу из столовки. Время работает не на нас, а против нас. Жизнь – вздох. Время лукаво, говорит апостол. 2008 год.

Пятидесятый псалом

Владимир, инженер-электрик по профессии, частенько вызывался вместе со мной топать пешком после вечерних служб по чёрным новосёловским улицам. Однажды он рассказал мне историю, в которую очень трудно поверить.

Над ним, этажом выше, жила одинокая женщина лет под девяносто. Однажды он услышал звуки передвигаемого шифоньера и просто испугался. Боясь, что старуха останется калекой после таких подвигов, побежал наверх. Девятый этаж. Звонит.

– Помощь нужна?

– Да нет, спасибо, я сама его передвинула.

И показывает на огромный шифоньер, набитый до отказа одеждой.

– Как вы его передвинули? Я мужик, и то вряд ли сдвину его с места, – удивился Владимир.

– Очень просто. Когда я была совсем маленькой, лет трёх, мой отец принялся учить меня одной молитве. Я очень быстро её заучила, не понимая ни строчки. Он всегда говорил мне:

– Моя доченька, где бы ты не была, всегда повторяй вслух эту молитву по многу-многу раз. Она накормит тебя. Научит как поступить. Не оставит в беде и поднимет в болезни. С ней ты никогда не будешь одинока и всегда Господь Бог придёт тебе на помощь. Кто читает её по многу раз в день, всегда будет здоров и счастлив. Я оставляю тебе её в наследство и завещаю всегда повторять её до конца твоих дней.

– И что же это за молитва такая? – спросил я Владимира.

– Пятидесятый псалом.

Раб Божий Иоанн

Трудно одиноким старикам жить в дороговизне промышленного Мариуполя. Пока работал Иван Гусак сталеваром, от друзей и родни не было отбоя. Но вот выгнали и его на «почётный» отдых и остался он наедине с новой своей судьбой – нищетой украинского пенсионера.

Дома не любил сидеть этот общительный и сердечный человек. Да и что делать в квартире, где только старый телевизор и пустые кастрюли. Вдобавок ко всему, жена, повариха в столовой, умерла перед его выходом на пенсию. Домом сталевара очень скоро стали городские улицы и бульвары. Мерил их пешком одинокий Иван по много часов день. Гулял и прогуливался, аппетит нагуливал. Дома-то есть всё равно нечего.

Однажды, солнечным ноябрьским днём, к неприкаянному старику подошла высокая и красивая незнакомая женщина. Приветливо улыбнувшись, она обратилась к нему так, как будто знала его много лет.

– Иоанн, почему вы не поёте в церкви? У вас такой красивый тенор, а вы дома сидите.

– Э! – несколько не удивился этому простодушный Иван. – Кто меня туда возьмёт? У них там хористы по нотам поют, а я нотной грамоты совсем не знаю. По слуху пою.

– А если вас матушка Тамара возьмёт, вы будете ходить в церковь и петь на хоре?

– Конечно, буду, – с недоверием согласился он.

Веры в такое запредельное счастье у никому не нужному Ваньки, как звали его все во дворе, не было. Развернувшись в обратном направлении, спеша пошли они вдвоём в собор Николая Угодника. Но, видно, подслушал их лукавый и вздумал перейти дорогу доверчивому тенору.

Женщина шла очень быстро, Иоанн едва поспевал за ней. На скользкой дорожке поскользнулся и сорвался головой вниз неуклюжий Иван. Новосёловский овраг под дорогой был весь усыпан острыми камнями.

– Быть бы мне на том свете, если бы эта высокая женщина одним мизинчиком не подхватила меня и тут же поставила на дорожку. Она такая сильная, – с уважением добавил Иван.

До этого я слушал его вполуха, но тут уставился на него, как на полного идиота.

– Иоанн, ты не спросил эту женщину, как её зовут?

– Нет. – мотает тот головой.

– И тебя совсем не удивило, что пожилая женщина, такая же, как и ты пенсионерка, удержала тебя на одном пальце и даже не изменилась в лице? Ты же, конь педальный, вешишь килограмм восемьдесят, а в сапожищах все девяносто.

Смотрю, Иван и вовсе смутился, голову опустил. Ему, так и оставшемуся в душе семилетним ребёнком, такие каверзные вопросы совсем не приходили в голову.

– Ну ладно, что дальше-то было? Вы дошли до храма и?

– На пороге стояла и ждала кого-то матушка Тамара. Эта женщина подошла к ней и стала что-то говорить. Матушка улыбнулась мне и говорит:

– Пойдёмте, я вас послушаю.

– И чего дальше?

– Меня взяли в церковный хор, – с гордостью ответил мне Иоанн.

Так несчастного и никому не нужного старика Божья Матерь привела за руку в церковь и оставила на попечении матушки Тамары. Но, как это сплошь и рядом бывает, счастье долго у нищих не задерживается и уходит в неизвестном направлении. Прошло месяца четыре и заболел на глаза новоиспечённый хорист.

Сделали ему операцию. Наложили повязку на глаза, но после уже не взяла на хор раба Божьего Иоанна матушка Тамара, а отправила его во второй дивизион. На клирос. Бесов гонять. Но это уже совсем другая история.

Как Иван Гусак попал в путы Свидетелей Иеговы

С одиночеством мало кто находит общий язык. Скорее наоборот, стараются от него избавиться всеми известными способами. Самый простой – жениться или завести себе гражданскую жену. Женился и Иоанн на пенсионерке чуть младше его. Только вскоре выяснилось – новая половина Гусака Свидетельница Иеговы.¹ И вот началась у молодожёнов совершенно новая жизнь, как две капли воды похожая на старую.

Прошёл «медовый месяц» и молодая женушка перестала пускать к себе нового супруга. По многим причинам. А вместо себя оставила аккуратные стопки «Сторожевой башни» и «Пробудись!». Мол, хочешь стать свободным? Читай! Пробуждайся, а не возбуждайся!

Вскоре Иван вообще перестал заходить в комнату жены. Первым делом супруга выписалась из своей квартиры и прописалась на площади мужа. Потекли годы. И вдруг Иван стал замечать, что в квартире стали пропадать вещи. Вначале исчезли золотые кольца первой жены. Затем испарилась новая стиральная машина, а вместо неё появилась точно такая, только старая и нерабочая.

О! Это было только начало трудного дня. «Пропал» даже серебряный полтинник с изображением Николая II, который Иван подарил сам себе, будучи у меня в гостях.

– Ой! Это мне! Спасибо, как я рад! – и не дожидаясь моей реакции, положил себе в карман.

Когда из квартиры вынести было нечего, кроме грязной посуды и пустых банок для консерваций, Нина принялась трясти своего «заблудшего» мужа.

– Иван! Давай сходим на наше богослужение. И у нас поют. Будешь петь! Тебя у нас сразу оценят. Пойдём, Иван! Там так хорошо, ты даже не представляешь. Да и идти ближе.

Но Иван ни в какую. Лиха беда начало. Перекуковала всё-таки своего благоверного активистка Иеговы и в один из богослужебных дней привела его за руку в залу царств.

Поклонение в зале царств. Португалия. Точно такую же картину увидел и Иван Гусак в мариупольской зале царств.

Пришли. Уселись поудобнее, а никаких песнопений нет и в помине. На небольшую сцену перед всеми вышел молодой парень. Аккуратный костюмчик, галстук.

¹ Здесь и далее – религиозная организация «Свидетели Иеговы» запрещена на территории Российской Федерации с 17 августа 2017 года (примечание автора).

Сначала не обратил на него внимания Иоанн, а когда тот начал читать доклад, обомлел от ужаса.

– Нин! Где у него голова? Голос есть, а головы нет. Где голова у него? – уже во весь голос заявил Иван своей жене.

– Ты что? Ненормальный? Всё у него есть! Это у тебя головы нет. Сиди тихо, слушай, не мешай!

Но Иван ещё раз внимательно поглядел на докладчика – головы у того действительно не было. Стоит молодой человек в отглаженном костюме, галстук повязан, а выше, где должна быть голова, как у всякого человека, ничего нет. Пусто, голос есть, а головы нет.

– Да ты что, Нина, разуй свои глаза! Неужели ты ничего не видишь? У него же головы нет!

Тут Ивану совсем стало плохо от увиденного. Не понимая, что он делает, с испуга завопил на всю залу царств.

– Где у него голова? Ужас какой-то! Кто ж его без головы выпустил на сцену? Это же безобразие! У человека должна быть голова! – зашёлся криком испуганный пенсионер.

Больше терпеть такого идиота никто не захотел. Подняли за белые рученьки молодые парни и вынесли из зала царств. А Нина, сгорая от стыда за своего недотёпу, осталась.

На этом попытки жены украсть единственное сокровище у своего супруга прекратились. Не позволил Бог забрать душу Иоанна и отдать её в преисподнюю. А рассказ о безголовом проповеднике на другой день перекочевал ко мне.

– Иоанн! Может, тебе и вправду всё это показалось? – спросил я старика.

– Да ты что! – горячился Иван. – Бумажку перед собой держит, говорит, а головы-то у него нет. Безголовый он. Одни плечи, а дальше ничего нет. Только голос. Человек-то безголовый совсем попался! Понимаешь? Я чуть с ума не сошёл. Впервые такое увидел.

И обиженный на весь белый свет пошёл восвояси.

Как Божья Матерь спасла хориста от зелёного змия

Много бед пришлось перенести за свою жизнь рабу Божьему Иоанну. На третьем курсе десантного училища разбился во время прыжка с парашютом. Госпиталь. Списали через месяц. Закончил техникум. Пошёл в сталевары. Перед самой пенсией обварился во время выброса раскалённого металла. Спину буквально выело жидкой сталью, а все компенсации за него получил кто-то другой. Обычное дело для мариупольского комбината Ильича.

Впереди его ожидали всё новые и новые беды и разочарования: родные дочери забыли о нём, новая жена ждала только смерти, чтобы завладеть двухкомнатной квартирой, в церкви выгнали с хора и отправили на клирос. А на клиросе какое пение. Одни слёзы там, а не пение.

Однажды уговорили Иоанна поехать в Никольское к схиархимандриту Зосиме (Сокур). Повёз его Игорь, заводской бригадир и давний поклонник батюшки Зосимы. Поехали основательно, с ночёвкой. Утром после богослужения около крестильной собралась толпа в несколько десятков человек. Даже для никольского монаха это было много.

Стоят. Ждут. А батюшка не принимает. Нет и всё. Люди ждут, не расходятся. Многие приехали издалека, с детьми и семьями. Подошли и Иван с Игорем. Прошла буквально минута и дверь крестильной отворилась.

На крылечко вышел сам батюшка. И, не глядя на «дорогих» гостей, подзывает к себе Иоанна.

– Раб Божий Иоанн! Да-да, ты. Иди-ка сюда!

И когда, стесняясь такого приёма, Гусак поднялся на крыльцо, монах продолжил.

– Вот у кого душа простая, бесхитростная, без уловок всяких, чистая, как у семилетнего ребёнка! Как я долго ждал твоего приезда. Идём ко мне, Иоанн! А вам всем говорю: зря стоите, сегодня никого принимать не буду.

Преподав такой показательный урок, каким нужно быть христианину, согбенный монах завёл изумлённого Ивана к себе. Посадил напротив, ответил на все вопросы, дал наставления и подарил целый конверт иконок с фотографиями на память. А напоследок треснул его своей монашеской рукой по лбу. Это являлось у отца Зосимы самым большим благословением, в которое он вкладывал всю свою духовную силу.

От себя добавлю, редко кто сподобился получить такое благословение от никольского страдальца. Многие после него исцелялись от безнадежных недугов. Видя всё это, Игорь, который на все лады превозносил и восхвалял батюшку, изменился в лице. Его отец Зосима не принял ни разу. После такого конфуза мариупольского хвалителя между Иваном и Игорем пробежала чёрная кошка.

Прошло много лет. Умер батюшка Зосима, состарился в скорбях и окончательно обнищал Иван, а впереди его ждала новая напасть.

Где-то года за три до войны от Ивана всё чаще и чаще стало попахивать. И не горьким мужицким потом от нестиранной рубашки, а перегаром от самого дешёвого винного суррогата.

– Да это мне для здоровья надо. Аппетит повышает, – хорохорился и злился на меня Иоанн.

Никакие уговоры перестать опрокидывать пластиковые стаканчики с молдавской бурдой действия не возымели. Он упрямо отказывался признать, что пропивает свои последние копейки.

Осталось только прибегнуть к последнему оружию, которым когда-то изуродовал всю мою жизнь игумен Борис.

– Иоанн! Мне однажды в лавре преподобного Сергия один прозорливый монах подарил акафист Божьей Матери. Очень сильный, благодатный, настоящий на молитвах монахов, акафист. Помогает в разных бедах и скорбях.

Вижу, Иоанн загорелся. Помня серебряный полтинник, предлагаю.

– Ну что, дать тебе его на время?

Тот радуется как ребёнок, кивает: давай.

Достаю из нагрудного кармана маленькую брошюрку на грязной, ржавой скрепке.

– Только запомни одну вещь, Иоанн! Больше трёх раз его не читай. Понял? Смотри, это самое главное. Запомнил?

Зная, что произойдёт вскоре, если он прочитает акафист, про себя думаю: «А то костей не соберёшь»!

Через три недели Иоанн превратился в еле передвигающийся костлявый футляр от когда-то здорового человека. Поднялось такое давление, что из дома за хлебом выйти не мог. Теперь вместо одной отравы глотал Иван целые горсти другой – пилюли – дары акафиста в честь иконы Божьей Матери «Неупиваемая чаша». А вскоре о болезни Ивана узнали в церкви. Пришли, принесли продуктов, позвали причастить священника. Словом, дело вошло в русло борьбы с опасной хворью. Места для рюмок не осталось и вовсе.

– Спасибо тебе! Этот акафист спас меня тогда. Если бы не он, я бы умер, – сказал мне измождённый старик.

Проверив чудодейственную силу невзрачной книжки на наивном воине Христовом, в день ангела подарил его священнику с проблемами, что оставил в прошлом раб Божий Иоанн. Но к моему горькому сожалению, опытный батюшка так и не нашёл в себе силы читать этот акафист. Следы этой тоненькой книжки после преждевременной смерти протоиерея затерялись неведомо где.

Сила благословения схиархимандрита Зосимы (Сокур)

(село Никольское, храм святителя Василия Великого)

Приехал к нему первый раз 22 июля 1995 года в Никольское, где он жил и служил настоятелем храма святителя Василия Великого вместе с малочисленной тогда братией. Приехал к концу службы, батюшка говорил проповедь. Завидев меня на пороге храма, прервался и объявил: «К нам приехали прихожане с других приходов», и вновь стал говорить об очень холодной зиме, которая на носу, поэтому нужно побольше делать консерваций. И делиться этим с неимущими. «Эка невидаль», – подумал я и пошёл к его домику занимать очередь на приём.

Но принимать меня никто и не думал. Выйдя во дворик, остановился, не зная, что делать. Стою, расстраиваюсь. И вдруг он появляется совсем рядом со мной. Наши взгляды встретились. Грешного человека, попавшего в водоворот болезней и живого святого, измученного смиренным несением такого креста, что его святость вследствие этого стала неизбежной. Он понял, что от меня не укрылось его духовное состояние и из глаз монаха брызнул стыд. Батюшка буквально сгорал от стыда. Ему было стыдно, что он свят. А раз так, то кто тебя, такого умника, примет. И я пустыми руками вернулся в Мариуполь.

На великий пост, в апреле 1996 года, вновь решил попытать счастье и поехал в Никольское на соборование с прихожанами своего храма. В соборе шла война владыки Ипполита (Хилько) и семьи благочинного, у священников просто не было сил проводить маслособорование.

Я ещё застал время, когда схимник сам соборовал ораву страждущих. Но после меня буквально выперли из приёмной, где батюшку дожидались священники и диакон с матушкой.

– Выйди. Погуляй. Тебе здесь нельзя находиться, – властно заявила послушница.

Спрашиваю.

– Куда, матушка?

– Да хоть в храм, посиди, погрейся. Потом придёшь.

Расстроенный до невозможности, возвращаюсь в пустой после таинства храм. Не успел я сесть поудобнее, вбегает дрожащий от ужаса послушник и умоляющим голосом просит меня помочь вычистить половину подсвечников в храме. Говорю, что никогда в жизни их не чистил.

– Я покажу вам, только помогите. Мне к двенадцати картошку на кухню чистить, я не успеваю.

Соглашаюсь и впервые в жизни чищу подсвечники от воска и масла. Время бежит и я понимаю, что приём у батюшки накрылся окончательно. Но вот всё. Подсвечники чистые. Мы прощаемся. Возвращаюсь к Зосиме. Как только я открыл дверь, на меня с дикой яростью набросилась послушница.

Свято-Успенский-Николо-Васильевский-монастырь. На переднем плане храм святителя Василия и первый по времени служебный корпус, где и принимал в девяностых схимник. Attribution-ShareAlike 3.0. Автор: rsvisual.

– Где вы лазите? Батюшка едва живой и ждёт только вас одного. Его уже кололи.

– Не орите. Подстроили всё, а теперь мозги лечите.

Краем глаз заметил её изумлённый взгляд. Как вдруг раздаётся голос отца Зосимы:

– Пусть войдёт.

Вхожу в крестильную, где за пять лет до меня прошла бездна народа, от нищих и калек до нуворишей-депутатов. Он смотрит на меня и говорит:

– Садись.

Оглядываюсь, куда сесть. Стоят два жёстких кресла с подлокотниками. В одном из них лежит огромных размеров кот, развалившись на всё сиденье. Красивый до невозможности. Дрыхнет, пушистый гад, и во сне то и дело выпускает острейшие когти, так что от желания погладить его не остаётся и следа. Даже во сне было видно: животное с характером.

Этим котом батюшка Зосима расплатился со мной за июльский конфуз. Нечего видеть то, что и так видно всем. А до меня это дошло спустя много-много лет. Вдруг озарило. Да ведь он смеялся надо мной. Фамилия-то у меня самая что ни на есть кошачья – Кот. Коротко и ясно. Так на тебе кота в отместку. Вот вам и обыкновенная батюшкина прозорливость. Но и это не всё. Пройдёт восемнадцать лет и война в Донбассе соединит в убогой колобовской квартире на пять месяцев двух котов, человека и животное, не переваривавших друг друга.

Дальше этого беседа не пошла. На все мои вопросы я получал такие ответы, хоть плач. Под конец «духовного» общения я попросил благословения найти работу и не получил его. Стало ясно – пора убираться. Незванный гость хуже татарина. Поднялся, сказал, что ухожу. Умученный монах только кивнул мне вслед – иди. Я же был на пороге, когда услышал негромкий, но властный голос батюшки.

– Постой. Я жду от тебя озарений. А теперь иди.

Это было мгновение – Зосима открыл своё лицо провидца и тем самым предрёк, что ждёт меня в этом мире. Озарения. Смешно и страшно – одними «озарениями» сыт не будешь. Да и откуда этим озарениям взяться?

Закрыв дверь. Крестильная была пуста. Перекрестился. Расстроенный услышанным, поехал на станцию. Доехал до железнодорожной станции Великая Анадоля, купил билет на электричку. До поезда оставалась ещё время. Вышел на перрон. Ледяной ураганный ветер чуть не сбил меня с ног. Прошлогодние листья и пыль закручивались вихрем в спираль и танцевали свой колючий танец. Посмотрел в сторону путей. До поезда оставалось с полчаса. Уходить в холодное здание станции не хотелось.

Танец листьев и пыли приближался ко мне. А дальше в какое-то мгновение он приобрёл ярко выраженную враждебность. Пыльный столп поднялся в воздух метров на пять-шесть. Из него показалась прозрачная рука с зажатой кистью в кулак, точно как в фильмах про невидимку. Я почувствовал нечеловеческую злобу, исходившую от этой руки.

Столп поравнялся со мной и острая боль пронзила глаза – эта прозрачная рука, оказывается, может действовать как настоящая. Она с непередаваемой яростью швырнула в меня горсть пыли и песка. От неожиданности стало страшно. Я внезапно ослеп от пыли и песка. А когда боль прошла, вихрь был далеко. Ошарашенный такой атакой, не знал, что и подумать. Это как полтергейст какой-то.

Показалась электричка. Расстроенный, с красными от пыли глазами, поехал восвояси. Только спустя долгое время до меня дошло. Эти странные слова, сказанные батюшкой Зосимой на прощанье, и были его благословением. И за то, что я искал его, не думая ни о чём другом, получил пылью в глаза от злобного духа, не желающего исполнения правды Божией.

Тогда, в далёком 1996 году, мне и в голову не могло прийти, что озарение обязательно со мной случится. И не одно. В 2012 году, тридцатого апреля, в день памяти преподобного Зосимы Соловецкого (небесный покровитель батюшки) я сидел на лоджии и писал главу о Великом потопе.

И вдруг со всей ясностью до меня дошло – да это же и есть причина возникновения тотемизма. Только на ковчеге с командой из восьми человек мог произойти разительный сдвиг в мышлении и представлении об окружающем их мире. На воде остались в живых только они, семья Ноя и животные, значит мы все – братья, родня, одна кровь! Это и был момент рождения явления, которое мне навязали вместо обычной дипломной осенью 1991 года.

Старец Зосима был великим прозорливцем. Для того, чтобы его благословение не стало талантом, зарытым в землю, а дало плод, силою своих молитв в январе 2001 года, как бы случайно, ставит меня в помощь старушке с подсвечника прав. Иоанна Кронштадтского.

Вместо академий и научных центров – подсвечник. Вместо экспедиций и раскопок – грязная масляная тряпка. Вместо научных диспутов и библиотек – Слово Божье и Евангелие. Вместо научных степеней и званий, славы и научного признания – поношения и насмешки. В его слове жил Бог.

Правда, это только легко писать «поставил на подсвечник». В те времена, уже былинные, на каждом подсвечнике стояла благословлённая настоятелем старушка, а за ней тихо приглядывали две сменщицы, смирно ждущие, сами понимаете, чего. Однажды я стал свидетелем, как между «молодухами» возникла ссора из-за того, кому сегодня стоять на подсвечнике вместо главной. Они вежливо лаялись, словно это был не подсвечник, а молодой жеребец, на которого обе положили. «Мне никогда не светит встать на подсвечник в таком храме, хоть Зосима и выгнал чистить их», – подумал, проходя мимо них. Подумал и забыл.

Прошло порядком времени. Шло лето 1999 года, как внезапно в храме побелела Почаевская икона Божией Матери. Причём настолько явственно, что прихожанки стали шушукаться, тыкать пальцами, пока настоятель, глядя на икону, не объявил, что отслужит ей после литургии водосвятный молебен.

Молебен это действие в пространстве и во времени силы Божией. Как спусковой крючок ружья. Нажми и будет выстрел. Батюшка Николай при большом стечении прихожан отслужил молебен. «Мушкет» схиархимандрита Зосимы сделал выстрел.

Вскоре после молебна прихожане стали замечать, что старушки-одуванчики-главные, и за ними и первые сменщицы, стоящие на подсвечниках по будням, как-то быстро стали умирать. Одна за другой – за год с небольшим я насчитал семнадцать трупов и сказал об этом старшей, Анне носатой. Но она, возмущаясь, возразила мне:

– Какие семнадцать. Не семнадцать, а двадцать одна отправилась. Вон, последнюю три дня назад отпели.

Мы переглянулись и расхохотались. Не слишком высоко ставил Вседержитель безумие прихожанок, по собственному хотению берущих, а точнее, из глотки настоятеля рвущих «благословение» на непонятно что, зачем и почему.

Летом 2001 года на десяти подсвечниках собора стало пусто, как сегодня в зоне АТО после «Градов» и «Ураганов». Не то, чтобы стоять во время службы, а убирать подсвечники стало некому. Не долго думая, взял тряпку, зубной порошок и стал драить по подсвечнику в день.

Не прошло и года, как в храме святителя Николая Чудотворца на долгих восемь лет появился волонтер, убирающий и чистящий подсвечники.

Позволь мне дать тебе три совета

Однажды, где-то в 1999 году, после долгих упрасиваний, зашёл в гости к знакомой прихожанке. «На чай». Прозвал её за глаза Людмила с палкой. Была она своеобразной православной попрошайкой. Умела выпросить, умела и подать, но большую часть добычи оставляла себе. Водилось у ней много православных книг. Из-за чего я и пришёл к ней в гости. Выбрал несколько, поблагодарил и отправился домой.

Книги уже ждала моя мама, большая любительница подобной литературы. Прочитала и забыла. Настала моя очередь. Последняя из трёх книг была о схиархимандрите Троице-Сергиевой лавры Зосиме (Захарии, 1850—1936).² Это были неполные и отрывочные воспоминания духовных чад монаха, сестёр Екатерины и Елизаветы Висконти. Крупицы правды потрясли меня.

Один порядочный монах среди стаи озлобленных и недалёких рясоносцев до и после революции. Лавки, торг, тайные жёны, куча незаконнорожденных детей лаврских светочей – это до. А после нищета и скитания по чужим углам. Но даже такие скорби не смогли заглушить злобы братии к честному несению креста отцом Зосимы. Рождённый по плоти всегда будет гнать рождённого по духу.

Посмотрел на книги и стал собираться к Людмиле. Пора возвращать. Внезапно сильная слабость сделала ватными ноги. Лёг, взяв в руки книгу о старце Зосиме. Смотрю на него. И вдруг книга заговорила человеческим голосом: **«Позволь мне дать тебе три совета».**

От такого поворота дел стало не по себе. Так ведь сейчас никто не говорит. Старомодно. Подумал: «Вот и бесы книжные по мою душу заглянули». Лежу. Не знаю, как поступить. Позволить? Не позволить? Смотрю на книгу. Решился.

– Хорошо, – говорю. – Давай!

Книга вновь заговорила человеческим голосом:

– **Чисто молись.**

И снова после первого совета тишина. Говорю голосу: дальше.

– **Не смори на женщин.**

А последний оказался самым странным для меня.

– **Терпи поношения.**

Тут от обиды за мою изнурительную болезнь и полную немоту меня словно прорвало. И пока Голос не ушёл, заявил ему горькую свою обиду на холостяцкую жизнь.

– Я жениться хочу.

Этот незапланированный вопрос несколько не удивил истинного прозорливца.

– **Господь воздвигнет тебе жену,** – так же спокойно ответил мне Голос.

Позже я много раз сравнивал советы небесного старца, ставшего таким ещё при жизни и советы игумена Бориса, архимандритов: Наума, Зосимы, Амвросия и многих после них. Это небо и земля. Они не знают, что сказать. Гоняют человека на службы, изучают, подмечают, подстраивают разные ситуации, чтобы человек проявился, а толку никакого. Их советы привели к тому, что мы с мамой остались без крова. А ведь делали всё, как благословил батюшка.

² Старец Захария. Схиархимандрит Свято-Троице-Сергиевой Лавры. Житие, подвиги, чудеса – Сост. Губанов В. А. – М.: Паломник: Глаголы жизни, 1998.

Часовенка схиархимандрита Захарии на Введенском кладбище Москвы. Attribution-ShareAlike 3.0

С того момента прошло семнадцать лет. Я по-прежнему **нечисто молюсь, смотрю на женщин** и так и не научился **терпеть поношения**.

Маслины

В 1997 году диакон Гавриил предложил мне поехать по святым местам. Дело душеспасительное, но ехать не хотелось. Было ясно, что не зная обо мне ничего, благочинный и его зять решили меня толком изучить за неделю тряски в старом «Икарусе». Авось что-то и проявится. Всё по методикам наших благочестивых старцев.

Первым делом приехали мы в Оптину. К этому времени трудники и монахи разгребли грязь, отстроили храмы и вывезли сотни тонн мусора. Впереди песчаная дорога к понтонному мосту и раздавленные гадюки под колёсами автобусов.

Пока моя группа осматривала храмы, спустился в подвал, где монахи открыли большую книжную лавку. Здравуюсь и не разглядывая книги, спрашиваю монаха-продавца «Поучения Силуана Афонского» с полными комментариями Сахарова. У меня три одинаковых благословения монахов-духовников на покупку и постоянное чтение этой книги. Причём я его не просил. Мне его дали. А раз дали, духовное чадо должно его исполнить. Помню, тогда очень удивился, что не сговариваясь, независимо друг от друга, три совершенно разных священника дали мне одинаковое благословение.

Услышав, что просит заезжий профан в духовной жизни, берёт великолепно изданную книгу и швыряет её мне. Именно швыряет, а не даёт. В глазах просветлённого застыла такая презрительная порция ненависти, что от неожиданности я застыл. Спрашиваю, сколько? Плачу, книгу под мышку и бегом наверх. Эта ненависть так и осталась на книге. Терпел я её, терпел и в итоге подарил прихожанке нашего храма. Она очень хотела иметь у себя дома поучения старца Силуана. Моё первое знакомство с Оптиной.

Посетив все храмы, незаметно приблизили время обеда. Диакон привычно ведёт нас в трапезную для мирян. Пришли. Очередь. От усталости суточного переезда есть не хочется. Наконец разрешают зайти и нашей большой группе. Проходим на второй этаж за столы. Молитва, благословение, обедайте. На белых скатертях домашний творог, сметана, ещё что-то и маслины. Не просто маслины, а огромные чёрные маслины. Много. Полная миска роскошных и уже подзабытых мною маслин стоит передо мной. Как я давно их не ел! Аппетит появился мгновенно. Беру ложку и от жадности кладу себе полную тарелочку маслин.

Преподобный Силуан Афонский. Фото 30-е годы XX века. Public Domain.

Монах читает поучения. Чьи, то мне неведомо. Не до поучений. Маслины так и трещат у меня за ушами. Ем, ем. Как вкусно! Наслаждение, а не еда – маслины с чёрным хлебом. Но вот чтец прочитал главу и нас поднимают из-за столов. Меня как по губам ударили. Тарелка с мас-

линами осталась почти нетронутой. Только ведь начали трапезу и уже подъём. В армии и то время больше давали. Вновь молитва. Спускаемся вниз. Несолоно хлебавши, стою на солнце-пёке.

После водных процедур уже по-настоящему хочется есть, а до ужина далеко. Иду со всеми в храм, где покоится преподобный Амвросий. Наклоняюсь перед его ракой и жалуюсь: не наелся, так хотелось маслин, забрали прямо изо рта!

После вечерней ужин. Нас вновь заводят на второй этаж. Молитва, благословение. Садимся. Рядом со мной вновь полное блюдо маслин. Наши на них не смотрят. Ищут на столе что посытнее. Теперь беру только ложку маслин. Всё равно сейчас выгонят. Здесь есть не дают, только дразнят! Ложку съел быстро, чтец ещё читает. Осторожно беру ещё. Ложку. Съел. Беру ещё одну. Наконец понял: маслинный голод остался в прошлом. Оглянулся на чтеца. Тот почему-то начал читать новую главу всё тех же поучений.

Прикидываю, что ещё можно съесть за это время. Нашёл пробойную икру минтая. Намазал хлеб сливочным маслом, сверху, не жалея, икрой. Сажу, слушаю, пью чай. Как только сделал последний глоток чая, чтец закончил вторую главу. Удивлён такой щедростью. Понимаю – теперь я точно наелся. Выходя из трапезной, обращаюсь к чтецу. Спрашиваю, что он читал? Тот отвечает:

– «Моя жизнь во Христе» святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Созревшие оливки на ветке.

Почему-то на монахе лица нет. Похоже, ему стыдно. Может, в его келью пришёл преподобный и дал ему взбучку? Мол, чего ты людей заставляешь давиться? Сам-то ешь не спеша.

Вновь мы на улице. Нам через час уезжать. Не смотря на группу, иду в ещё открытый храм. Припадаю к мощам батюшки, благодарю его за невероятный приём, подарки, благословения, источник и роскошный ужин. Откуда может знать батюшка Амвросий, что я не прочь угоститься маслинами? И не обязательно чёрными. Говорю батюшке: чтец в трапезной исправился и дал всем поесть вволю, больше его не наказывай.

Так принимал нас в Оптиной преподобный Амвросий (Гренков).

Но и это не всё. На самом деле ходил я жаловаться не преподобному Амвросию, а преподобному Иосифу (Литовкину), о котором тогда ничего не знал. При открытии мощей могилы святых перепутали. Если хотите, так Господь указал на праведность этого святого и явное нежелание быть выкопанным преподобного Амвросия. Силы молитвы святых отцов хватило на то, чтобы навести слепоту на нетерпеливых искателей мощей. Вырыли Иосифа, а преподобный

Амвросий остался лежать в земле. Но услышал меня именно батюшка Амвросий, хотя в соборе его и близко не было. Это ли не чудо!

Юродивые

В сентябре 1993 года мне пришлось ехать в Москву из-за своих бумаг. После приёма поехал на Тверской. В здании Почтамта «международные» переговоры были очень дешёвыми. Заказал Мариуполь и вышел на овальной формы площадку. Место было не простое. Напротив перед переходом располагалась остановка для московских школьниц, после уроков подрабатывавших своим телом. Отсюда их увозили в притоны для кавказцев. Стою, смотрю, как на глазах у всех ученицы превращаются в уличных шлюх по вызову.

В это время по лестнице на смотровую площадку неторопливо поднимается необычно одетый мужик. Поверх белоснежной сорочки интеллигента на нём ватник чёрного цвета. Он останавливается напротив меня. Прошла минута и того начинает трясти от неопишуемой боли. Судорожно срывает с себя одежду: летит ватник, рвутся с мясом пуговицы на рубашке, скидываются портки. Он не успел даже сесть на корточки по нужде, как с него полилось. Опорожнился прямо на площадку. Лицо этого мученика стало белым как снег.

Посреди Тверского стоит совершенно голый мужик. Под ним куча. До Кремля десять минут ходьбы. Но вот появляется полицейский – исправлять ситуацию, хватает того молча за локоть и куда-то уводит. Голый босой мужик покорно идёт с ним. От увиденного я ещё долго не мог прийти в себя. Что это могло значить, понять было невозможно.

Прошло шесть лет и такая же кошмарная боль с такими же последствиями обрушилась на меня во время ночной рождественской службы 1999 года. Называется эта мука «афонская болезнь», ею расплачиваются бесы за подвижничество афонских монахов. Но я не монах и не подвижник. Такая редкая напасть может коснуться и обычного человека, если найдётся умелец, знающий суть «предания сатане во измождение плоти». Или, попросту говоря, имеющих власть над бесами.

Той холодной осенью девяносто третьего я впервые в своей жизни увидел настоящего московского юродивого. А с московской юродивой познакомлюсь через год в лавре преподобного Сергия. Звали её Лидия. Она была слепа на один глаз. С ней была связана одна забавная история.

На новый, 1995 год, мне пришлось всё-таки поехать к Науму (Байбародину), уломал меня мой духовник. Тогда я и познакомился с его напарницей, одетой как бедная нищенка. Мне не нужно было объяснять, кто передо мной, вопрос был в том, как она себя поведёт по отношению ко мне.

Через пару дней жительства в лавре мне почему-то стало жалко придурочно бегавшую во дворике женщину. На следующий день после службы иду к нему во двор приёмной. Лидии ещё нет. Роюсь в своей сумке, вынимаю три печенья. Думаю, подам ей сейчас. Как вдруг открывается входная калитка и в проходе появляется Лидия. Ба! Какие три печенья! Я от неожиданности дар речи потерял. Прямо навстречу мне идёт юродивая. Но как она одета! Норковая шапка, роскошное новое пальто, приличные женские сапожки, перчатки на руках. Дошла она до меня, а я ей три печенья, как побирушке какой-то в руки сую. Угостись, милостыньку прими, почавкай.

Увидев в моей руке печенье, Лидия мгновенно скорчила рожу обиженной боярыни. Налившись неземным высокомерием, брезгливо поглядела на недоумка.

– Ты кому подаёшь? – и отведя мою руку в сторону, величаво прошествовала на своё рабочее место. Бесов гонять, людям помогать и за мной наблюдать! Не часто её видели такой, какая она есть.

Через полгода я вернулся больным домой. Прошло несколько лет и я заметил маленького роста женщину. Звали её Людочка. Она была духовной дочерью отца Николая, и точно как Лидия, по благословению, взяла на себя тайный подвиг юродства.

Мне она буравила всякую дребедень, но однажды Бог показал мне, на что способны Его юродивые. Под воротами храма святого Николая по воскресеньям и праздникам сидели в ряд пять-семь нищих. Слово «нищих» можно смело брать в кавычки. Все они имели пенсию или группу, а сиденье у входа было второй натурой этих людей.

Меня они считали за церковного дурачка – ушёл с работы и трёт подсвечник – значит свой. Церковную службу на своём языке они звали «шоу». Иногда просили помолиться. Иду утром. Лето. Жара. Команда в сборе. Смотрю, рядом с ними примостилась «просить» Людочка. Ну, думаю, это неспроста. На меня грустно смотрит печальными глазами старуха у двери.

– Олег, ты на службу?

– Да.

– Помолись за мою внучку. Не может родить. Говорят, патология – очень узкий таз. Кесарить денег нет. Помолись.

– Хорошо, поставлю свечку.

В храме ставлю за внучку свечку и прошу Бога помочь ей. Прошло немного времени, а я со всего размаха как в стену врезался. Э! Да её всей церковью не вымолить. Одни грехи. Только лоб впустую разбивать.

Выхожу со службы. Все на своих местах. Выкладываю ей прямым текстом «отчёт о проделанной работе».

Говорю.

– Что можно было сделать такого, что кругом, куда не кинь, стена грехов. Мне её не вымолить. Ищи деньги на кесарево. Если бы она лежала у мамы, ей бы всё сделали за так.

– Она в городском лежит.

– Ну так ищите деньги.

Прошло дней шесть. Снова вижу эту нищенку. Спрашиваю, как внучка. Родила?

– Весь роддом удивился, лежала она, лежала, а на третий день как что-то сдвинулось у ней. Ребёнок пошёл и она сама родила. Никто поверить не мог. Все говорили – вот это да!

Ого! Как Людочка молится. Сидела, слушала. На ус мотала и на тебе, девка родила. Так Бог показал силу тех, кто отверг себя ради других.

Осенью 2008 года Людочка пришла в храм с пластиковым пакетом в поддержку Януковича. Другой рукой она держала его фотографию в рамочке с траурной ленточкой на углу. Для пущей важности повязала на голову чёрный платок. Прибежала матушка.

– Людочка! Да ведь человек живой! – с нежной укоризной в голосе увещевает блаженную всё понявшая жена священника.

До его падения было ещё шесть лет.

За два года до моего умирания в нефрологии, Матрона Московская зримо появилась в Мариуполе. Вместе с Людочкой. Был один из понедельников конца июня 2007 года. В этот день приступ рвоты заставил меня снова колесить по всем церквям, заказывая литургии о здравии «болящего Олега».

Первой была Спасо-Преображенская церковь на Черёмушках. Икона «Нечаянная радость». Когда-то молитва и свечи у этой иконы спасли мою маму от погромной проверки и увольнения в роддоме. Ставлю ей свечи. Еду дальше.

Свято-Никольский храм возле Приморского райисполкома. Икона блаженной Матроны. «Стой и молись», – как бы говорят глаза блаженной. Стоял возле иконы больше часа, прося хоть немного ослабить приступ рвоты. Но помощи нет. Заказав литургии, еду на маршрутке дальше. Вдруг на одной из остановок заходит блаженная Людочка. Тащит за собой грузную развалившуюся старуху с закрытыми глазами. Та тяжело дышит, задыхаясь как астматичка.

Машу радостно Людмиле руками, мол, давай сюда, место свободное есть. Людочка сажает старуху напротив нас, а сама садится рядом со мной.

– Кто это? – спрашиваю, зная, что родителей у Людочки нет, умерли. Живёт вместе с тёткой, та неверующая.

– Мама, – благоговейно отвечает блаженная.

Этого хватило, чтобы я зацепился глазами за эту «маму». Лицо только что виденной мной иконы блаженной, только глаза полужакрыты. Они зрячие, но, по-моему, той совсем не нужны. Она и без них хорошо видит.

– Людочка, откуда вы?

– С семнадцатого микрорайона.

– А там чего делали?

– Яму сегодня вырыли.

– Какую яму? – от неожиданности похолодел.

Она это так сказала, что я, забыв про всё на свете, стал её расспрашивать. Оказалось, сегодня утром отец Гавриил отслужил молебен и освятил котлован под церковь. Мы ещё поговорили о местах, пригодных под храмы в городе и они вышли на собесе. Как только мы с мамой исчезли из Мариуполя, протоиерей Гавриил снял все архивные фото с приходского сайта, в том числе и «освящение ямы».

Всё это время я не спускал со старухи глаз. На ней было открытое старомодное платье, на груди креста нет. Вместо православного креста вся «площадь» была занята очень крупными аляповатыми нитками искусственного жемчуга. Посчитал. Пять ниток пластмассового ширпотреба. Они, увеличиваясь размером к центру, как раз надёжно прикрывали то место блаженной, где у ней был выпуклый врождённый крест.

«Да, умеют наши святые шифроваться под увечных, – думал, глядя на нитки „жемчуга“ на шее небесной гостьи. – Ну и „мама“ у Людочки. Сама Матрона блаженная. Чудотворница Московская!» После той маршрутки я больше года не видел блаженную.

А на меня как наехало. Я стал поминать во всех церквях родителей Матроны, Дмитрия и Наталию.

Чудо святителя Игнатия Мариупольского (Гозадини)

Шёл третий год, как я не ел живых овощей и фруктов. Живот периодически (через день) устраивал мне харакири, от которых темнело в глазах. И это помимо непрестанных болей в кишках. Все деньги, которые попадали к нам с мамой, уходили на йогурты в капсулах, бифиформ из Дании по немыслимой, для учителя, цене. А без них мне грозила мучительная смерть. Мы только что не голодали, но в душе была пасха. Бог вывел меня из торгового техникума.

За год до свободы, которая тогда казалась мне чем-то запредельно невозможным, учебным планом поставили провести или открытый урок или открытый классный час. Выбрал второе. Легче. А из всех тем подходящей показалась одна-единственная: «Святитель Игнатий (Гозадини) и греки Приазовья».

У диакона Гавриила выпросил кассету с канонизацией святителя, студенты принесли видеоплеер. Телик, который у нас стоял дома как инвентарь с того света, пришёлся как нельзя кстати. В моей группе было несколько гречанок. Именно они и взяли на себя первые роли рассказов о жизни святителя. Остальное, хоть и нехотя, разобрали мальчишки.

Настал день классного часа, посвящённого памяти святителя. В этот день на техникум неожиданно-негаданно свалилась высокая комиссия из Киева. Раиса Николаевна, завуч техникума, приказывает без неё не начинать. Сама бежит вниз, встречать «гостей», после которых можно остаться без лицензии на право преподавания.

Митрополит Игнатий Мариупольский. Мариупольский краеведческий музей. Автор: неизвестный художник. На митрополите бриллиантовая панagia, подарок императрицы Екатерины II. Бессовестно украдена после смерти владыки теми, кто засыпал помоями его могилу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.